

Ты не дури, выходи замуж пораньше, по мне так ты очень даже хорошая девушка. Поразмыслив, он добавил: Вернись и скажи своему отцу, что наши с тобой дела взрослых не касаются. Захочет позлиться — пусть приходит и прибьет меня, этот старик готов в любой момент.

Цинь Сюаньхуэй была знакома с Цзинь Шианем шесть лет, и когда ей доводилось видеть его с такой грубой стороны? Женщины всегда испытывают невольное влечение к мужественной прямоте мужчин, и она, глядя на него, вдруг снова почувствовала, как затрепетало сердце.

Но за трепетом последовало полное отчаяние. Цинь Сюаньхуэй поняла: раз ее братец Минцин высказался до конца, никакой надежды у нее больше не осталось.

С этой мыслью слезы высохли, и она горько улыбнулась:

— Братец Минцин... Нет, молодой господин Цзинь, я больше не стану докучать тебе. В последний раз, сможешь ли ты сходить со мной в кино?

Как бы ни было противно это лицо, оно все равно оставалось прекрасным. Пусть даже глаза выплаканы докрасна, а макияж размыт слезами, сквозь толщу восьмидесяти лет оно все так же выглядело жалостливым и трогательным.

Цзинь Шиань и впрямь не знал, что с ней делать, и хлопнул себя по штанам:

— Ладно, пойду с тобой куда угодно. Прости, что расстроил тебя.

Цинь Сюаньхуэй опустила голову, ее сердце сжалось от невыносимой боли. Она ждала его шесть лет, но так и не дождалась. Цзинь Шиань был прав: заветная любимица — это просто шутка, а она сама для отца — не более чем подарок для заключения выгодной сделки.

Да только чужим людям она вовсе не нужна.

Сюаньхуэй сидела тихо, слушая, как Цзинь Шиань говорит старому Чэню ехать в кинотеатр. Ненависть к Цинь Е закрутилась в ее груди тяжелым водоворотом — она не держала зла на безволие Цзинь Шианя, она ненавидела лишь отца, который своими сладкими речами обманул ее. Сюаньхуэй подняла голову:

— Братец Минцин, на самом деле я знаю, что дела семьи Цзинь плохи, и мой отец, боюсь, позарился на ваши деньги.

Перед выходом из дома Цинь Е наставлял ее: выведай, как болен молодой господин, и постарайся повидаться с Цзинь Чжунмином. Она знала, что отец затеял недоброе.

Цзинь Шиань изначально не собирался ее слушать, но, услышав фразу про плохи дела семьи Цзинь, приподнялся:

— Что значит дела семьи Цзинь плохи?

Цинь Сюаньхуэй с отчаянием посмотрела на него, потом на старого Чэня:

— Старика Чжана Цзян-гун отправил в Шанхай, об этом все знают, не думай, что я ничего не понимаю.

Цзинь Шиань уставился на нее:

— Сестрица, я угощаю тебя чаем, не могла бы ты рассказать мне все подробно?

Цзинь Шиань вернулся на улицу Жунчжуан уже в глубоких сумерках.

В усадьбе Бай стояла тишина, только тетушка Лю вышла встречать его и помогла умыться и переодеться. Заметив озабоченное выражение на лице Цзинь Шианя, она проглотила слова, уже вертевшиеся на языке.

Судя по виду молодого господина, барышня Цинь вот-вот войдет в этот дом.

Тетушка Лю тяжело вздохнула про себя. Она ушла из труппы Чуньхуа вслед за младшим господином Баем и сама вырастила его. Хотя она и понимала умом, что у актеров короткий век, а уж тем более у тех, кто играет женские роли, и что, пригретый под чужей крышей, он всего лишь игрушка, но старший господин Цзинь в конце концов станет чьим-то мужем и не сможет прожить всю жизнь с женщиной.

Тетушка Лю прекрасно знала о чувствах младшего господина Бая к молодому господину Цзиню, хотя такой связи быть не должно. Когда-то, после того как Люшэн ранил Цзинь Шианя ножом, тетушка Лю была уже готова бежать с младшим господином из дома Цзинь, но тот уперся — решил умереть именно в семье Цзинь, и точка.

Тетушка Лю жалела своего младшего господина, вспоминая все его прежние добрые дела, и молила лишь об одном: чтобы молодой господин оставил младшему господину жизнь и дал им обоим жить дальше. Кто бы мог подумать, что после мрака забрезжит рассвет — молодой господин очнулся, они снова сошлись и полгода прожили душа в душу. Но бурям в этом мире нет конца, и то, что должно случиться, неизбежно случится. Богачи непостоянны: старший господин Цзинь сегодня с утра весело упорхнул из дома и вернулся только ночью, ни капли не думая о младшем господине Бае.

Хоть бы словом поинтересовался!

Цзинь Шиань вовсе не заметил перемены в ее настроении. Помывшись, он потребовал чаю и сладостей. Хрустя печеньем, он продолжал размышлять над словами Цинь Сюаньхуэй. Пожевав какое-то время, он поднял глаза, увидел, что тетушка Лю все еще здесь, и внезапно опомнился:

— А где Люшэн?

Почему Люшэн не вышел встречать его?

Тетушка Лю сдержала раздражение:

— Улегся спать.

Цзинь Шиань растерялся:

— Так рано? Разве он не ждал меня, чтобы поболтать?

Тетушка Лю разозлилась еще сильнее и прямо на месте опустилась на колени:

— Молодой господин, отпустите младшего господина Бая. Раз уж вы собрались заводить семью и строить карьеру, держать при себе актера — дурная слава. Младший господин из-за вас чуть на тот свет не отправился, а раз в вашем сердце для него нет места, так отпустите его за эти ворота. Я вам в ноги поклонюсь.

Цзинь Шиань терпеть не мог, когда перед ним падали на колени — добром это никогда не кончалось. Он рывком поднял тетушку Лю:

— Ой, перестаньте. Говорите толком, что опять с ним? Опять опиум курить начал?

Тетушка Лю припала к полу:

— Младший господин лишился чувств, стоило вам уйти из дома, его еле привели в себя, влив кучу воды. Он целый день пролежал пластом, ничего не едя и не пия, и все, что ему вливали, тут же обратно выходило.

Она боялась вспыльчивости Цзинь Шианя:

— Не то чтобы младший господин отказывался есть, он просто обессилел. Последние дни он ухаживал за вами дни напролет, какое тело выдержит такие мучения.

Цзинь Шиань вскочил:

— Почему раньше не сказали? Где он?

Люшэн лежал на подушках в полузабытьи. Услышав голос Цзинь Шианя, он сквозь сон приоткрыл глаза.

Цзинь Шиань присел на корточках у его изголовья, и на сердце у него скребнули кошки — странное чувство вины навалилось тяжелым грузом. Это было похоже на то, как в детстве несешь маме на подпись проваленный экзамен, или когда из-за плохих результатов работы тебя затаскивают на внеочередное собрание акционеров. Жаль только, что у директора Цзиня не было опыта семейной жизни, а тем более опыта измен, иначе он бы знал, что больше всего это похоже на мужа-изменника, который возвращается домой к убитой горем жене.

Опыта у него не было, зато поза оказалась привычной: директор Цзинь с виноватым видом прижался к краю кровати, глядя на него честными глазами.

— Предки мои, опять плакал?

Люшэн осоловелым взглядом поводил из стороны в сторону, долго всматривался, а потом едва слышно спросил:

— Скажи мне правду, ты ведь и правда не тот молодой господин?

Цзинь Шиань почесал в затылке:

— Разве мы не выяснили это давным-давно? Это же наш маленький секрет, с чего ты вдруг снова об этом вспомнил?

Люшэн молчал, уставившись на полог кровати.

Директор Цзинь шлялся весь день напролет, пока младший господин Бай дома вел тяжелую внутреннюю борьбу. Тот уже все для себя решил: раз уж молодой господин — совсем другой человек, он не должен его любить. Но почему, когда тот заговорил о женитьбе, ему стало так больно?

Пролежав весь день в постели, он помимо воли вспоминал всю ту доброту, что Цзинь Шиань проявлял к нему за последние полгода — неуклюжую, ребячливую, но наполненную нежностью. Прежний молодой господин никогда не дарил ему ничего подобного.

Разве я достоин называться человеком? — думал Люшэн. И правда, у актеров хребты мягкие, сами они ветрены, стоит кому-то проявить каплю доброты, как собственная никчемность и дешевизна берут верх, и удержаться уже невозможно. С какой стати он плачет? И с какой стати лежит здесь, ожидая, пока его кто-то утешит?

С какой стати он привязан к нему?

Младшему господину Баю стало донельзя стыдно. Было бы еще куда ни шло, если бы Цзинь Шиань не приходился вовсе, но раз уж пришел и ведет себя так смиренно, плакать больше не годилось. Он торопливо приподнялся, но слезы уже целый день собирались в его глазах, и остановить их было невозможно: стоило ему сесть, как из глаз потекли две реки. В глазах директора Цзиня это выглядело так, будто наш зверек Дайюй снова обиделся.

Эх! Собственноручно выращенного Дайюй придется утешать, даже стоя на коленях. Директор Цзинь, совершенно сбитый с толку двумя дорожками слез на лице младшего господина Бая, помог Люшэну сесть, подложив под спину подушку:

— Я слышал, ты упал в обморок. Почему? Сердишься на меня?

Да и была ли у младшего господина Бая злость на сердце? Стоило ему увидеть это глуповатое выражение лица, как вся злость испарилась, а сердце растаяло. Младший господин Баи капризно вытер слезы:

— Ничуть. Просто на мгновение хватил тепловой удар, не слушай болтовню тетушки Лю.

Этот твой жеманный тон — самое соблазнительное, что есть на свете. Цзинь Шиань подпер щеку рукой и тихо рассмеялся.

Люшэн от этого смеха растерялся:

— Над чем ты смеешься?

Цзинь Шиань поддразнил его:

— Смеюсь над тем, что на душе у тебя кошки скребут, а на лице изображаешь неприступность.

Люшэн отвернулся, делая вид, что не замечает его.

Директор Цзинь с улыбкой потянул его за руку:

— Эй, наш Дайюй, не сердись, не сердись. Братец виноват, пошел гулять с девицами и тебя не взял.

Он пододвинул миску с кашей:

— Хочешь узнать, что я сегодня делал на улице?

Люшэн заметил странную улыбку на его лице:

— Разве не встречался с барышней Цинь?

Цзинь Шиань поднес ложку прямо к его губам:

— Сначала поешь. Съешь эту миску риса, и я расскажу, чем занимался — история потрясающая, просто поворот за поворотом! Этот сукин сын Цинь Е, я непременно поставлю его в дурацкое положение.

Грубый стиль прямолинейного мужчины: ложку с едой поднесли едва ли не к самому носу. Заплаканное лицо Люшэна снова покраснело:

— Я и сам могу поесть.

— Меньше болтовни. Быстро, или опять заставишь меня кормить тебя изо рта?

Люшэн пристально посмотрел на него, и в груди у него заколотилось. Больше он не смел сопротивляться и послушно съел кашу.

Кашу варили под присмотром тетушки Лю — с семенами лотоса и эвриалы, разварив ее до густоты и мягкости. Увидев, что Люшэн съел все до последней ложки, Цзинь Шиань снова поддразнил его:

— Тетушка Лю говорила, что тебя от любой еды тошнит, а по-моему, ничего не тошнит. Разве аппетит не отличный?

Люшэн густо покраснел:

— Наверное, к вечеру полегчало, вот и проголодался.

Цзинь Шиань забрал пустую пиалу и втиснулся на постель:

— Поел, потому что братец покормил, понимаешь?

Люшэн никак не ожидал, что тот вот так заберется к нему, и в испуге отпрянул на пару цуней. Директор Цзинь расплылся в похотливой ухмылке:

— Чего ты? Я же не собираюсь к тебе приставать, подвинься. Я буду спать здесь, сегодня у нас важная тема для обсуждения.

Люшэн и впрямь перепугался. Раньше молодой господин Цзинь тоже ложился с ним на одну постель, но это было в детстве. Поначалу он боялся незнакомого места и ни за что не хотел отпускать молодого господина, и тому ничего не оставалось, как лечь рядом. Но с тех пор, как Люшэн однажды обмочился прямо у него под боком, оба жутко покраснели, и молодой господин Цзинь с улыбкой произнес:

— Ты уже взрослый, теперь спи один. В конце концов, ничего постыдного тут нет, с мужчинами такое случается.

А позже, когда молодой господин приходил к нему в комнату поболтать, они хоть и лежали рядышком до полуночи, но на ночевку он никогда не оставался.

И вот теперь Цзинь Шиань с бухты-барахты заявляет, что останется ночевать. Люшэн одновременно испугался, и у него даже уши покраснели. Цзинь Шиань, словно перевернувшаяся на спину черепаха, радостно скалясь, устроился на кровати:

— Товарищ Бай Люшэн, у тебя на уме одни гомосексуальные фантазии, я ведь и раньше ложился с тобой, и что-то ты не краснел, чего паникуешь?

Люшэн не знал, что такое гомосексуальные фантазии, постоял с покрасневшим лицом, а потом осторожно подергал Шианя за рукав:

— Молодой господин, расскажи скорее, что сегодня произошло.

Цзинь Шиань хмыкнул носом:

— Молодой господин не может рассказывать, назовешь братцем — тогда расскажу.

Люшэн, застигнутый врасплох, тихо и ласково произнес:

— Братцѐ, что там было? Не томи меня.

Цзинь Шиань сделал вид, что умер под одеялом.

Люшэн нахмурился и толкнул его:

— Расскажешь в конце концов или нет? — И уже мягче добавил: — Разве барышня Цинь не хороша собой?

Лучше бы он не спрашивал — едва прозвучал вопрос, как Цзинь Шиань тут же съежился:

— И не упоминай. Лицо как у шлюхи. С такой внешностью — да чтоб мне голову срубили, если я на ней женюсь!

Бедная барышня Цинь, какую карму она заслужила, раз молодой господин так ее расписывает?

Люшэн крайне удивился:

— Барышня Цинь — благородная девица, почему она выглядит... выглядит... недостаточно целомудренной?

Цзинь Шиань пустил пузырь из слюны:

— Она слишком похожа на мою бывшую девчонку. Ты не знаешь, эта стерва... мне от одного взгляда на нее прибить ее хотелось. Какая бы Цинь Сюаньхуэй ни была невинная, полюбить ее я не смогу — эй, а ведь она тоже забавная штука, целых шесть лет ждала! Твой прежний молодой господин и впрямь оказался бессердечным: мариновал девчонку шесть лет и ни слова определенности, просто эталонный мерзавец.

Слушая его болтовню, Люшэн почувствовал горечь в сердце. И по какой же причине? Все из-за того, что стоило молодому господину Цзиню навестить какую-нибудь девушку, как по возвращении дома разыгрывался грандиозный скандал. Боясь рассердить Люшэна, молодой господин отнекивался при любой возможности, и если крутил романы в течение шести лет, то лишь потому, что отцы этих девушек могли пригодиться в делах.

Помолчав немного, он перевел тему:

— Раньше... у тебя не ладилось с девушкой?

— Разве я тебе не рассказывал? Она была сущая Пань Цзиньянь, ни капли совести. Одурманила меня деньгами и сбежала с другим, все женщины — змеи, кроме моей мамы.

Цзинь Шиань раздраженно перевернулся на другой бок, а затем снова сел:

— Это неважно. Цинь Сюаньхуэй сказала мне одну вещь.

— Какую?

— Она сказала, что положение семьи Цзинь сейчас очень скверное.

Заведя речь о положении семьи Цзинь, неизбежно пришлось бы коснуться таких фигур, как Чан Кайши и Чжан Цзинцзян. Директор Цзинь, разумеется, отлично знал Чан Кайши — лысый

Чан, чтоб его черти взяли, а вот о Чжан Цзинцзяне он имел лишь смутное представление.

— Старик Чжан раньше был председателем Постоянного комитета, сначала он шел за господином Сунем, а потом помогал Цзян-гуну, — вытирая слезы, говорила барышня Цинь. — Братец Минцин, ты что, проверяешь меня?

Чжан Цзинцзян был ветераном партии Гоминьдан и одним из пионеров, поддерживавших демократическую революцию. После смерти Сунь Ятсена он изо всех сил поддержал воцарение Чан Кайши и благодаря выдающимся способностям и глубоким связям с Сунь Ятсеном всячески укреплял позиции Чана. Если провести неуместное сравнение: если Чан — это император Вэнь-ди Цао Пэй, то Чжан Цзинцзян — это Сыма И. С четырнадцатого по шестнадцатый год Республики их отношения казались нерушимым союзом братьев-побратимов.

Директор Цинь скромно поинтересовался:

— И какое отношение это имеет к нашей семье?

Знаменитая девица оставалась таковой во всем: барышня Цинь отчеканила ответ без запинки:

— Говорят, когда горит городская стена, страдают рыбы в ровее.

Была и другая поговорка: когда искусаны все зайцы, варят и гончих псов. Потомки видели в Чжан Цзинцзяне Сыма И, и генералиссимус Чан думал точно так же. В паутине политических интриг никто не желал держать рядом с собой человека, чье влияние, авторитет и даже способности превосходили его собственные, особенно когда между ними возникали разногласия по поводу политического курса.

Любые другие разногласия еще можно было уладить, но их спор касался как раз «искоренения коммунистов».

С точки зрения Цинь Шианя, попавшего в это время из будущего, генералиссимус Чан обладал отменным чувством самосохранения: едва придя к власти, он первым делом вознамерился сокрушить будущих главных политических противников. А товарищ Чжан Цзинцзян, будучи ветераном партии, по этому вопросу никак не желал договариваться со своим побратимом. Верный завещанию господина Суня, старик Чжан настаивал на том, чтобы тратить средства в первую очередь на народное благосостояние и государственное строительство. Генералиссимус Чан подумал: ок, раз ты не поддерживаешь, найдется немало тех, кто готов поддержать. Раз уж братец ты не со мной по пути, прощай, скатертью дорога!

Чжана Цзинцзяна освободили от должности и отправили в Шанхай. Все это было неважно, важно было другое: прежде он заведовал Национальным комитетом по строительству, полностью контролируя министерства промышленности и финансов, и под его началом кормилась целая армия мелких сошек и прихлебателей, которые вместе с ним пожимались на

казенных харчах и постепенно превратились в крупных дельцов в районе Цзянсу и Чжэцзяна.

А Цзинь Чжунмин был самой крупной рыбой среди этих прихлебателей.

Барышня Цинь была права: когда горит городская стена, страдают рыбы в рове. Падение Чжана Цзинцзяна стало дурным знамением для этих торговцев, а возникающие за спиной Чана четыре великих семейства постепенно вытесняли людей Чжан Цзинцзяна.

Новому правительству — новые слуги, и все прекрасно понимали, что пожить теперь удастся куда меньше. Однако беда Цзинь Чжунмина не исчерпывалась четырьмя словами «выделяться среди прочих». Старик Цзинь слепо верил в чувства старика Чжана и Цян-гуна и еще более слепо полагался на собственную «крышу», из-за чего в канун нового года совершил крайне опрометчивый поступок.

А именно — занялся контрабандой оружия.

Цзинь Шиань вспотел с ног до головы.

Сложность этого попадания во времени оказалась запредельной, и каждый раз оно преподносило новые сюрпризы, причем сплошь неприятные. Попасть в отсталую Республику — стерпел; попасть в Нанкин накануне чудовищной резни — тоже стерпел; обрести в попавшей семье упрямого старца, чье слово закон — продолжал терпеть. Даже если товарищ по команде оказался зверьком Дайюй, разве оставалось что-то, чего он не стерпит?

Цзинь Шиань все утешал себя: по крайней мере, это богатейший дом, и даже если всю жизнь просидеть сложа руки, можно вполне сносно разыграть драму из жизни республиканских идиотов.

Кто бы мог подумать, что тут еще примешаны элементы политической борьбы.

Сценарий слишком грандиозный, такое не удержать!

Барышня Цинь продолжала:

— Это дело еще не успели привязать к нему уликами, просто все и так всё понимают. Но раз старик Чжан ушел в отставку, верхи наверняка проведут тщательное расследование. Старик Цзинь — знамя нанкинского купечества, а это называется «поймать волка, чтобы припугнуть остальных», то есть убить... убить курицу, чтобы показать обезьянам.

— ...

— Пожалуйста, не используй больше идиомы, директору Цзиню и так тошно.

Цзинь Шиань спросил:

— Раз это случилось год назад, почему до сих пор ничего не раскопали?

Сюаньхуэй ответила:

— Потому что не могут отыскать завод и найти схрон с той партией оружия. Нет улик — нет оснований арестовывать людей на пустом месте. Сейчас уже появились уполномоченные агенты, ведущие тайное расследование, но, к счастью, дедушка вел дела предельно осторожно и не оставил следов. — Она опустила темные ресницы: — Ты болел столько дней, кто бы стал навещать тебя? Я несколько раз порывалась прийти к тебе, но дедушка всякий раз останавливал меня.

Директор Цзинь занервничал.

Кругозор Цинь Сюаньхуэй все же был ограничен — на самом деле, наличие или отсутствие этой партии оружия не имело ключевого значения. Цзинь Шиань происходил из нуворишей, и вопросы чиновников и бизнеса всегда понимал грубо и прямолинейно: неважно, виновен ты или нет, показательная казнь необходима, а связь с Чжан Цзинцзяном — это величайшая ошибка. Позиция остальных могла меняться по ветру, но Цзинь Чжунмин в конце концов поднялся благодаря клану Чжан.

Семья Цзинь навсегда клеймена печатью приближенных Чжана.

В этот глубокий ночной час в летней мгле у тусклого огонька уже кружились мелкие бледно-зеленые мотыльки. Люшэн, отгоняя их веером, полулежал на кровати напротив Цзинь Шианя, и они вновь перебирали услышанное.

— Чжан Цзинцзян пал, Чан Кайши не пощадит его людей. Сначала он лишит их власти, а следующим шагом возьмется за финансовые кланы. Короче говоря, наша семья, пожалуй, попадет под удар первой.

Люшэн испуганно прикрыл ему рот ладонью:

— Господин мой, имена небожителей произносить нельзя, на людях нельзя так называть их по имени.

Цзинь Шиань перехватил его руку и улыбнулся:

— Руки такие ароматные.

Люшэн не поддержал его шутку, выдернул руку и сказал:

— Я и раньше слышал, как управляющий Ци и другие поговаривали, будто старик Чжан собирается в Шанхай и, судя по всему, больше не желает нам помогать.

В этот миг в памяти всплыло множество мелких обрывков: смутно помнилось, что пару лет назад молодой господин ходил сам не свой и вел за его дверью разговоры с Ци Суньи, и речь, кажется, шла как о Чжан Цзинцзяне. Молодой господин никогда не прятал от него письма, и хотя Люшэн заглядывал в них, значения не придавал. А если вдуматься, те письма были адресованы влиятельным купцам из близкого круга семьи Цзинь — там были и Чжу Цзысю, и Цянь Юнь, а он-то думал, что молодой господин хлопочет из-за дочерей из тех семей, и даже сильно ревновал.

Но среди тех людей Цинь Е не было.

Пока он размышлял об этом, Цзинь Шиань заметил рядом:

— Цинь Сюаньхуэй говорит, что ее батюшка давно затаил обиду на деда, да еще и злится на тебя, молодой господин, за то, что ты увел у него пост председателя торговой палаты. Этот сукин сын хочет чужими руками жар загребать, заставить Старого Чана со свету сжить семью Цзинь, а раз нужен кто-то на роль застрельщика, он решил отправить дочку выведать новости, дабы та донесла властям, воображая, будто я падок на эту девицу!

Цинь Е мыслил изошренно: нет ничего страшнее порожденной любовью женской мести, а его дочь ждала молодого господина Цзинь целых шесть лет, возвращая в сердце тонны яда. Вот только Цинь Е не учел поговорку «девица на выданье — отрезанный ломоть». Цзинь Шиань сегодня высказал все начистоту, и Цинь Сюаньхуэй теперь не ненавидела брата Минцина, а вместо этого возненавидела собственного отца.

Цзинь Шиань смахнул залетевшего по ошибке мотылька:

— Об этом непременно нужно рассказать деду, но я боюсь, что после таких слов он еще сильнее захочет женить меня на Цинь Сюаньхуэй.

Люшэн понимал всю сложность ситуации: измена Цинь Сюаньхуэй лишь заставит Цзинь Чжунмина утвердиться в правильности этого выбора, и он невольно заметил:

— Даже если бы не было барышни Цинь, нашлись бы барышня Чжу или барышня Цянь, старик непременно заставил бы вас жениться на ком-нибудь из них.

От этих слов Цзинь Шианя охватило раздражение:

— Черт... откуда столько мерзких фокусов, я ни на ком жениться не хочу.

Лишь в сравнении познается истина: Цзинь Шиань был насмерть запуган этими

республиканскими барышнями, у каждой из которых за душой черт знает что, а лица порой преподносили сюрпризы. Когда Цинь Сюаньхуэй спросила его, есть ли у него любимый человек, он почему-то в полном тумане тотчас вспомнил про Люшэна.

<http://bllate.org/book/19790/1950118>